

Бутаева Зарема Ажуевна

соискатель кафедры русской литературы филологического факультета
Дагестанского государственного университета
Butaeva777@mail.ru

АРБАТ КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ХРОНОТОП В ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ Б. ОКУДЖАВЫ

Аннотация:

В статье, посвященной одному из главных хронотопов в творчестве Б. Окуджавы, рассматриваются различные коннотации Арбата как доминантной точки топоса Москвы. Новизна настоящего исследования состоит в раскрытии двойственной природы названного урбанонима, символизирующего как детство и начало будущего, вечности, так и приближающееся полное умирание. На материале ряда наиболее ярких произведений барда Москва и Арбат показаны в качестве центров его ментальной географии, из чего делается вывод о таком основополагающем признаке творческой индивидуальности Б. Окуджавы, как «арбатцентризм».

Ключевые слова: Арбат, Москва, локус, бард, родина, дом, двор, творчество.

Топос Москвы, присутствуя в поэтических текстах большинства бардов, занимает доминирующую позицию и в творчестве Б.Ш. Окуджавы.

В.Ю. Прокофьева в статье «Концепт «Москва» в поэзии Серебряного века выделяет следующие семантические варианты топоса Москвы, которые можно встретить и в поэзии советских бардов, в частности Б.Ш. Окуджавы: Москва – столица, «сердце» и центр всей страны; Москва – антитеза Петербургу; Москва как город; Москва как исторический город; Москва как звучащее пространство; Москва как собеседник; Москва – «женственный» город [1, с. 175].

В песнях Б. Окуджавы топос Москвы реализуется, в основном, в трех ипостасях: Москва – столица, Москва как исторический город, Москва как город настоящего времени.

В лирической системе поэта центральный хронотоп Москвы – Арбат символизирует «мир, добро, человечность, культуру, историческую память – все, что противостоит войне, жестокости и насилию» [2, с. 119]. Арбатская тема в творчестве барда связана с особым значением Арбата как культурного концепта.

Важность Арбата для окуджавской поэтики неоднократно отмечалась исследователями.

Например, Г. Белая писала о том, что моделью художественного мира Б. Окуджавы «стал мир арбатских переулков и дворов... Было ясно, что к образу Арбата стянуты все его эмоциональные и этические представления» [2, с. 189].

С ней соглашался С.О. Шмидт: «Творчество Окуджавы неотъемлемо от восприятия Арбата. И если не становление, то оформление мифа об Арбате, его месте в истории и культуре России связывают с именем и творчеством Б. Окуджавы. ...Его признают певцом Арбата» [2, с. 16].

Название данной улицы Б.Ш. Окуджава характеризует как «странное»: «Ты течешь, как река. Странное название!» («Песенка об Арбате», 1959). [3, с. 175]. Вместе с тем поэт неизменно использует при его упоминании местоимения, которые отражают отношение к нему как к «своему» пространству: мой, свой, наш. Эпитеты и характеристики данного локуса у барда весьма выразительны: призвание, религия, отечество, радость, беда, улица жизни, улица люб-

ви, улица души, улица судьбы («...Солнце, май, Арбат, любовь – выше нет карьеры...» [3, с. 178] в стихотворении «Капли датского короля», 1964).

Ах, Арбат, мой Арбат, ты – мое призвание.
Ты – и радость моя, и моя беда.
...Ах, Арбат, мой Арбат, ты – моя религия...
Ах, Арбат, мой Арбат, ты – мое отечество...
(«Песенка об Арбате», 1959) [3, с. 175].

«Ни почестей или богатства для дальних дорог не прошу, но маленький дворик арбатский с собой уношу, уношу» («Арбатский дворик», 1959) [3, с. 177]. Арбат для Б. Окуджавы –местилище самых ценных воспоминаний и символ ушедшей юности, а также своего рода потерянный рай:

И если вам, читатель торопливый,
он не знаком, тот гордый, сиротливый,
извилистый, короткий коридор
от ресторана «Прага» до Смоляги
и рай, замаскированный под двор,
где все равны: и дети, и бродяги,
спешите же... Все остальное - вздор.
(«Речитатив», 1970) [3, с. 180].

Образ арбатского «рая, замаскированного под двор», расширяется до райского сада вдохновения и творчества; у Б. Окуджавы – это сад возвращенной человеку гармонии.

Наконец, Арбат – это родной дом, и, следовательно, – центр духовной географии барда: «Арбат – мой дом...» («Канадский берег под моим крылом») [4, с. 182]. Именно потому автор относительно этого места применяет эпитеты «любимый», «святой» и т.п.

Данная старинная московская улица для поэта – нечто неизмеримое, масштабное: «Ах, Арбат, мой Арбат, ты – мое отечество, / никогда до конца не пройти тебя!» [5, с. 175]. Б. Окуджава признавался в интервью: «Моя родина – это Арбат... Я родился на Большой Молчановке, воспитывался в арбатском дворе, в детстве у меня была русская няня, из деревни, все это я впитывал, жадно воспринимал и рос истинным арбатцем. Потом меня стали возить в Грузию, на родину отца и матери. Так, параллельно с арбатской появилась грузинская линия, возник какой-то второй поток во мне. И все же я оставался москвичом...» [5, с. 3].

Г.С. Кнабе в истории «арбатского мифа» выделяет две стадии: «Сначала – тридцатые годы, когда скученные в этих переулках демократически интеллигентные родители и их комсомольские дети умудрялись отчасти из страха, отчасти по убеждению не видеть вокруг себя ни вакханалию террора и постоянный контроль над мыслями, ни тотальный дефицит и унижительные пакости коммунального быта, а видеть как бы сквозь них мифологизированные образы чаемого светлого будущего и их отсветы, старательно и весело различаемые в настоящем» [6, с. 25].

«Арбатский миф 1960–1980-х представляет собой явление того же порядка... Односторонний, мифологизированный, окутанный элегическими воспоминаниями об искренних комсомольских чувствах, о массовом стремлении на фронт на защиту Родины, а заодно об интеллигентной порядочности в семейных и личных отношениях, образ тридцатых годов как нельзя более подходил на роль лирического комментария и исторической санкции происходившего. А арбатские тени и арбатские воспоминания... сообщали образу некоторую дополнительную условность, отступ, тональность скорее лирическую и художественную, нежели эмпирически достоверную» [3, с. 25].

История и особенности развития арбатской темы как основополагающей для Б. Окуджавы рассмотрены в работе М. Муравьева «Седьмая строка»: «Таких образов-первооснов у поэта совсем мало. Тем поразительнее богатство мира, сложенного из этих элементарных кирпичиков, описанного немногими простыми словами. И арбатский двор – один из самых главных образов, один из устоев бытия. Его камень – краеугольный» [3, с. 57].

М. Муравьев на материале арбатских стихов прослеживает темы любви и смерти, а также поэтической разлуки с Арбатом: «Осознание своей эмиграции было вехой, отметившей поворот в творческом пути Окуджавы. Светлая гармония ушла и больше не вернулась. В мире поэта появилась трещина, которая с тех пор только росла» [3, с. 57]. Автор подчеркивает, что строка «Когда его не станет – я умру» («Надпись на камне» (375)) [3, с. 25] была провидческой: разрушение дома в Арбатском дворе, в котором некогда жил поэт, и его собственная болезнь и смерть произошли практически одновременно.

С этого двора уходит на войну Ленька Королев. Уходит с этого островка культуры и духовности и лирический герой Б. Окуджавы:

...Во дворике этом мне тесно,
и я из него уйду.
Ни почестей и ни богатства
для дальних дорог не прошу,
но маленький дворик арбатский
с собой уношу, уношу...
...Сильнее я с ним и добрее.
Что нужно еще? Ничего.
Я руки озябшие грею
о теплые камни его.
(«Арбатский дворик» (1959) [3, с. 176]).

В стихотворении «Арбатское вдохновение» (1980) есть такие строки:

Упрямо я твержу с давнишних пор:
меня воспитывал арбатский двор,
все в нем, от подлого до золотого [3, с. 384].

Речь идет о детстве, о возвращении к истокам, к чистому, не замутненному ложью миру. После долгих и трудных лет отсутствия поэт мысленно вновь и вновь возвращается во двор своего детства: «Вы начали прогулку с арбатского двора, / к нему-то все, как видно, и вернется» [3, с. 318]). Как видим, Арбат становится звеном между прошлым и будущим. Вспоминая арбатский двор своего детства, поэт размышляет о сыне, о преемственности поколений и традиций, о мужестве расставания с прошлым («Арбатское вдохновение»).

С Арбатом связана и тема творчества. Поэт обращается к «последней» строчке своего произведения:

С тебя ничего уж не спросят:
как хочется – так и плыви,
подобна мгновенному снимку,
где полночь и двор в серебре
и мальчик с гитарой в обнимку
на этом арбатском дворе.
(«Допеты все песни, И точка...» (1961) [3, с. 221]).

У Арбата, как и у Москвы, свой «характер»: гордый и одинокий одновременно: «В мешке вещевом и заплечном лежит в уголке небольшой, не слышавший, как я, безупречным, тот двор с человеческой душой» («Арбатский дворик», 1959) [3, с. 221]. Описывая Арбат, Б. Окуджава использует человеческие черты:

Раскрываю страницы ладоней,
молчаливых ладоней твоих...
Я листаю страницы. Маячит
пережитое... Не найти человека,
кто не понял бы вдруг на заре,
что погода двадцатого века
началась на арбатском дворе.
О, ладони твои все умеют,
все, что было, читаю по ним,
и когда мои губы немеют,
припадаю к ладоням твоим,
припадаю к ладоням горячим,
в синих жилках веселых тону...
(«Раскрываю страницы ладоней...», 1959) [3, с. 221].

В песне «Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант...» (377) описывается разрушение Арбата, когда прежние его жители – рабочие, служащие – были переселены из центра на окраины столицы. На их место пришло привилегированное чиновничество и навсегда таким образом отгородилось от «простых смертных». В числе «оттесненных» оказался и Булат Окуджава, коренной житель Арбата.

Б.Ш. Окуджава предчувствует приближающийся конец Арбата и даже связанное с этим возможное его переименование; с другой стороны, он непоколебимо уверен в вечности и неизбывности Арбата, с которого все началось и к которому все в итоге вернется.

Арбат чаще всего изображается в произведениях барда на фоне зимы, а также зари, сумерек, ночного времени. Преобладание вечернего и ночного времени в описании данного локуса обусловило и приоритет белого и черного цветов: это связано с тем, что Арбат входит в состав Белого города, а также с традиционно плохой освещенностью арбатского ландшафта.

Арбат – это сердце Москвы, так что «топос Москвы на разных иерархических уровнях организации текста являет собой и микродом по отношению ко «всему миру», и макродом, сужение которого до микродома можно представить следующим образом: Москва → Арбат → арбатский двор → дом → скамейка» [2, с. 173].

Развитие арбатской темы как малой родины происходит параллельно с лирическими размышлениями по поводу Родины в широком понимании:

Держава! Родина! Страна! Отечество и государство!
Не это в душах мы лелеем и в гроб с собою унесем,
а нежный взгляд, а поцелуй – любви сладкое коварство,
Кривоарбатский переулочек и тихий треп о том о сем [3, с. 17].

Таким образом, доминантная точка топоса Москвы обозначена в творчестве Б. Окуджавы урбанонимом «Арбат». Причем, суть данного краеугольного для Б. Окуджавы локуса имеет двойственный характер: с одной стороны, он символизирует детство и начало всех начал, открыт в будущее, вечное; с другой – система атрибутов в его изображении отражает приближающийся конец или полное умирание. И Москва, и Арбат – это центры ментальной географии

барда и часть макродома, который в целом представляется автору в виде всего Земного шара. Так что с полным правом можно констатировать «арбатозентризм» Б. Окуджавы.

Ссылки:

1. Прокофьева В.Ю. Концепт «Москва» в поэзии «серебряного века» в его лексическом представлении // Языкознание. 2004. № 1.
2. Кофанова В.А. Языковые особенности геоэтики авторской песни: на материале текстов произведений Б.Ш. Окуджавы, А.А. Галича, А.М. Городницкого, Ю.И. Визбора: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006.
3. Окуджава Б.Ш. Стихотворения. СПб.: «Академический проект», 2001.
4. Окуджава Б. На любовь свое сердце настрою... / Беседу вела И. Ришина // Литературная газета. 1984. 25 апр.
5. Кнабе Г.С. Конец мифа // Лит. обозрение. 1998. № 3.
6. Муравьев М. Седьмая строка // Мир Высоцкого: исслед. и материалы. Вып. 2. М., 1998.